

Татьяна Бахтигараева

**ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ
И СКАЗКИ**

Рассказы

Татьяна Бахтигараева
Жизнь, смерть
и сказки. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759990

ISBN 9785448363610

Аннотация

Первый сборник рассказов автора. Трудности выбора и вечные вопросы, несчастья и непонимание, обыденность и чудеса, но Жизнь непременно побеждает.

Содержание

Музыка	5
Катькин выбор	16
Врушка	19
Любовь и Люба	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Жизнь, смерть и сказки

Рассказы

Татьяна Бахтигараева

© Татьяна Бахтигараева, 2017

ISBN 978-5-4483-6361-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Музыка

Город – нарисованная неизвестным художником картина – замер за потрескавшимися от времени рамами с облупившейся краской. Спокойно-желтые пятна листьев на ветках и на сером тротуаре; через открытое окно чувствовался их привычный осенний запах. Пустынная детская площадка, огороженная низеньким зеленым забором. Детей в доме было четверо. В это время дня двое делали уроки, третий обитал в детском саду, а четвертая орала в соседней комнате.

У окна темным силуэтом стоял длинноволосый юноша в потертых джинсах и бежевом свитере с воротником до ушей. В руках у юноши была блестящая флейта, а взгляд устремлен куда-то в небо, где в сплошном покрове облаков лоскутками синело небо. На западе из-под тяжелеющей белой перины выбивались последние лучи солнца.

На кухне что-то разбилось; юноша очнулся, положил на подоконник нотную тетрадь и поднес флейту к губам. Он уже привык не слышать детского плача за одной стеной и ругани соседей за другой, он привык к коммунальной кухне и вечно занятому туалету, к перекошенным дверям и давно не крашеным рамам, к своей узкой кровати, письменному столу и виду из окна. И к нему привыкли. К его вечным гаммам и этюдам. Звали юношу Гошей.

Стоял теплый сентябрь. Но сегодня небо затянуло облаками, а сейчас, с наступлением сумерек, закапал дождь.

Ноты кончились, зато дождь продолжал свою таинственную музыку, и Гоша подстроился к нему.

Под окном, ежась, прошла девчонка в мокрой рубашке, подняла голову и, замедлив шаг, остановилась. Отошла к площадке, оглядела окна и вытянулась, как суслик. Гоша понял, что она слушает его. Такого никогда не было. Люди проходили мимо окон; а слушали его только преподаватели, потому что это их работа, да соседи, потому что у них не было выбора.

Стемнело. В дверь постучали:

– Георгий! Мне пора Машку укладывать, ты не помолчишь до завтра? Гоша очнулся:

– Хорошо, – убрал флейту в футляр и подошел к окну. Девочка уходила. Гоша вздохнул ей вслед и зажег свет.

Комната у Гоши узкая, с высоченными потолками и лепниной. И там всегда, по словам Лены, творческий беспорядок. На письменном столе – ворох нот и раскрытая тетрадь со стихами. На стенах – жирное пятно, колесо от велосипеда, расписание. Под столом книжная полка и рядом стопки книг. За дверью остатки велосипеда, рюкзак, лопата и тренога от нивелира, невесть откуда взявшаяся. На поцарапанном шкафу – еще одна куча книг и гитара без струн. На окнах

полосатые бежевые шторы, наполовину выгоревшие. На подоконнике – ноты, книги, пакет из-под кефира с карандашами.

Гоша подумал, что Лена сегодня опять не приходила, что кто ее разберет, чего ей от него надо, и надо ли вообще; сгреб ноты и сложил стопкой на столе. Закрыл окно и ушел в кухню.

Обстановка там была всегда настолько одна и та же, что Гоше иногда казалось, что время остановилось.

Марья Наумовна в платочке и бордовой кофте, штопанной-перештопанной, пила чай в уголке у плиты. У двери на табуретке сидел Василий Палыч в тельняшке. Он сидел здесь всегда – ему казалось, что кто-нибудь обязательно украдет его кастрюли. За столом тетя Галя (добрейшей души женщина, учительница литературы») и Римма Михайловна (бухгалтерша) обычно вели довольно светские беседа.

– ...Я у него спрашиваю: о чем стихотворение? Он говорит: о Серафиме. Римм, ты представляешь? Говорю: Ты что, с ума сошел, о каком Серафиме? Так он глаза вот такие сделал, будто это я чокнулась. Как, говорит, о каком? О шестикрылом! Я не могу!

Помолчали. Гоша достал с полки свою кружку и налил чаю.

– Гоша, – обернулась Римма. – Это не ты чашку Александра Валерьевича разбил?

– Нет, я тут с утра не был.

– Значит, Наталья. Ну, россомаха!

– Откуда вы знаете? Может, это не она! Что вы сразу обзываетесь?

– Сиди, заступник! Вот, Галь, увидишь, она скоро всю посуду переколотит! Сегодня уже блюдце разбила... А что она с ребенком делает, я не знаю – весь день орет.

– Ну, Римм, ребенок он ребенок и есть. Может у нее животик болит?

– Ой, ладно! – Римма махнула рукой и отхлебнула чай.

Гоша открыл холодильник. Его колбасу уже ополовинили. Еще вчера он бы смолчал, но сегодня зло взяло – Ленка не пришла, со Стасом из-за ерунды поцапался, Римма наезжает.

– Римма Михайловна! Это не вы мою колбасу едите?

– Что? Да ты... Нет, вы посмотрите какой нахал! – она аж встала.

– Не вы? Ну так и скажите, – Гоша пожал плечами, сделал бутерброд, взял чай и ушел в комнату под возмущенные крики соседки.

– Теть Галь, у вас дверь открыта, – игнорируя Римму, сообщил Гоша из коридора.

– Ох ты, Боже мой! Опять, наверное, нализался, – тетя Галя быстро ополоснула чашку и побежала к себе.

Гоша лег на кровать, чай поставил на пол.

Сегодня что-то явно не клеилось.

Вот интересно, если они с Ленкой поженятся, то Римма, наверное, ее загрызет как Наталью. Если только Ленка согласится жить в коммуналке. Нет, Гоша отсюда не уедет. Подумаешь, Римма возмущается, на это можно и внимания не обращать. Они уже все как родные стали. И потом – это окно, двор. А ехать к ней на окраину...

Бутерброд быстро кончился, читать сегодня не хотелось, а дождь все шелестел под окном. Гоша выключил свет, разделся, бросив одежду на стул, и влез под одеяло.

С утра суматоха была больше обычного – сломался сливной бачок и все носились взад-вперед по коридору.

Гоша вышел из комнаты, потянулся, оценил обстановку и прошмыгнул в ванную, пока там никого нет. Тут же в дверь стал ломиться Александр Валерьевич, муж Риммы:

– Кто там? Ну кто уже успел? Гоша, пропусти, мне некогда!

– Я уже разделся, – ответил Гоша с зубной щеткой во рту.

– Тогда быстрее давай! Я же опоздаю!

Березовские всегда считали себя центром Вселенной. Но Гоша нахалом не был – быстро умылся и освободил помещение. Перед туалетом стояла тетя Галя с ковшиком воды.

– Кто последний? – вежливо осведомился Гоша.

– Гош, ну хватит, а? – устало сказала тетя Галя.

День обещал быть повторением вчерашнего. Только

дождь шел уже с утра.

Гоша надел куртку, взял сумку и ушел в училище.

– Привет, – подошел Стас. – Давай мириться. Гоша улыбнулся и протянул руку.

– И воцарилась благодать, – прокомментировал Борька.

– Ладно, пошли наверх, а то опоздаем.

По дороге из училища Гоша забежал в магазин. Потоптался у витрины с колбасой, вспомнил о количестве оставшихся денег и купил хлеба и заварки.

Дождь прекратился, но тучи не расходились. Гоша свернул во двор, отломил горбушку местной черной кошке, поднял с земли несколько желтых листьев и вошел в свой подъезд.

Не успел он войти в свою комнату и закрыть дверь, как в нее постучали.

– Ну, наконец-то, – сказал Гоша, улыбаясь. – Я уж думал, что не увижу Вас.

– Ждал, говоришь? – довольно сказала Лена, позволяя поцеловать себя в щечку. – Это хорошо.

Она села на кровать, откинувшись к стене.

– Ну что, ругаетесь?

– Ругаемся потихонечку. Где ты пропадала?

– А что, не имею права? Дела у меня были.

– Ты, между прочим, обещала, – заметил Гоша, вытаски-

вая из сумки ноты и флейту.

– Ты – мужчина, и должен ждать женщину сколько угодно.

– Глупости какие, – буркнул Гоша. – Это не значит, что женщина должна вытирать об мужчину ноги.

– Смешной ты, – задумчиво сказала она.

– Чай будешь?

– Конечно.

– Тогда жди, сейчас принесу, – Гоша ушел на кухню, пощупал чайник, зажег под ним газ и сел к окну.

– Что ж ты бабу-то свою бросил? – спросил Василий Палыч, постукивая по полу клюкой.

– Она не моя, – ответил Гоша, не оборачиваясь. Он обиделся на Лену. Чайник закипел. Гоша налил чаю в чашку и в стакан. В чашку насыпал сахар. Ушел в комнату.

– Гошка, ты обиделся? – спросила Лена. Она стояла спиной к окну.

– С чего ты взяла? На, держи, – он сел на кровать. Лена молча крутила чашку в руках.

– Ленка, ты любишь дождь?

– Терпеть ненавижу.

– Почему?

– Мокро, мерзко, и у меня вчера зонт сломался. Надо будет в мастерскую отнести.

– А без зонта?

– А лечить меня потом кто будет? Ты к нам на окраину не заглядываешь, все я к тебе.

– Ленка, не прикидывайся сиротой. У тебя друзей больше, чем звезд на небе.

– Да что они мне? Поэт ты недоделанный.

– Так тебе и поэт не нужен.

– Конечно. Человек должен жить на земле, а не в небе парить. Как некоторые.

Гоша усмехнулся:

– А мне сверху видно больше.

Лена допила чай и поставила чашку на стол.

– Ладно, глазастый. Мне на шейпинг пора.

– Ну беги, – сказал Гоша, пожав плечами.

Лена минуту постояла, потом взяла со стула свою сумочку, причесалась и ушла. Гоша проводил ее до двери квартиры.

Вернулся. Подошел к окну, прижался к стеклу лбом.

– Ленка, Ленка, чего ты сюда ходишь?

Она – будущая манекенщица. Он – флейтист, парящий в небе. Так зачем она приходит? Для чего это все? Любовь-то, кажется, уже прошла.

Ленка процокала каблучками мимо окон, встретившись со вчерашней девочкой. Гоша подскочил, открыл окно и сел на него.

Девочка подняла голову, посмотрела и ушла на качели.

Гоша встал, высунулся на улицу и спросил:

– У тебя хорошее настроение?

Девочка удивилась:

– Не знаю.

– Жалко, – ответил Гоша и ушел вглубь комнаты. Достал флейту, усмехнулся и заиграл что-то беспокойное. Ленка ушла. Надо будет сказать, пусть лучше не приходит, а то злит только. Нет, спросить зачем. Если любит, то почему так себя ведет? А если нет, то вообще непонятно.

А по крышам сейчас гуляет ветер, цепляясь за телевизионные антенны. Черная кошка дремлет на краю песочницы. Девчонка переместилась на зеленую ограду и сидит, поджав ноги, как нахохлившийся воробей. Странная. Откуда она взялась?

Гоша остановился, достал другие ноты и стал разучивать домашнее задание.

Девочка пришла и на следующий, и через день.

На четвертый он поехал к Лене. Позвонил в ее квартиру. Лена вышла в шелковом бирюзовом халате.

– Здравствуй. Ты так неожиданно... У меня беспорядок, но заходи.

– Да нет, Лен, – он засунул руки в карманы куртки и опустил голову. – Объясни мне лучше, а то я совсем запутался.

– Чего тебе объяснить? – Лена вышла на лестницу, прикрыв за собой дверь.

– Что мы с тобой из себя представляем?

– Опять твои философские изыски? Гош, надоело.

– Нет. Ты не поняла?

– Интересно, а почему я должна все понимать?

– Ты женщина, тебе по статусу положено. Она усмехнулась:

– Я понимаю так, что ты пришел прощаться. Да?

– Раз ты так поняла, то да.

– А может быть и нет?

Он подумал и сказал:

– Да нет, Ленка. Я пришел прощаться. Я никогда не смогу понять тебя, а ты меня.

Лена склонила голову и с какой-то непонятной гримасой оглядела Гошу.

– Ну ладно, тогда иди. Играй свою музыку. Ты ее лучше понимаешь. Пиши свои стихи, ночуй на облаках, собирай листья... Наверное, это правильно.

– Тогда до свидания.

– Пока, – Ленка проводила его взглядом до лифта и вернулась в квартиру.

Гоша шел по улице, ветер гладил его по волосам, чтобы сказать – все будет хорошо! Листья шуршали под ногами, переговариваясь о чем-то. Одни осуждали его, другие хвалили. А ему было уже все равно.

Гоша завернул во двор, а ветер, как всегда, остался ждать в переулке. Здесь же его встретила черная кошка. Гоша под-

нялся к себе на второй, открыл дверь своим ключом, скинул ботинки прямо у двери, зная, что Римма будет ругаться за это, и ушел в свою комнату. Выглянул в окно. Девочки еще не было, но Гоша точно знал, что она придет, как только зазвучит музыка.

Он улыбнулся и взял флейту.

7.02.1995

Катькин выбор

Под колесом мельницы, журча, перекачивалась вода. Полная, ясная луна посеребрила весь мир. И вода текла расплавленным серебром, а у мельницы искрилась нестерпимым блеском. Чуть покачивался в безветрии камыш, шевеля воздух серебряными метелками.

На водопой пришли единороги. Они пили только такую, серебряную воду, и только здесь, у мельницы, где тропинка была припорошена мукой. Может быть потому, что Мельник никогда не трогал единорогов.

Ведьмочке в полнолуние тоже не спалось, и она тихонечко сидела на мостике около мельницы. Но, увидев единорогов, неслышно нырнула в камыш.

Ведьмочка была красивая, настолько красивая, что ей невозможно было придумать имя, любое казалось тусклым в сравнении с ней. Тоненькая, как травинка, большеглазая, окутанная черным шелком волос, быстроногая, как лань.

Она пряталась в лесу. Любой, кто ее видел, был обречен на безумие.

Катка смотрела на них всех издалека, потом чуть-чуть подправляла карандашом контур, и снова смотрела.

Витька остервенело курил на остановке, вглядываясь в сплошное пятно рассеянного света на горизонте. Откуда-то оттуда должен был появиться троллейбус. Моросил против-

ный дождь. И троллейбусов не было. А Катька уходила туда, вглубь своего мира все дальше и дальше.

Он каждый день приходил к ней. С умирающим на секунду сердцем проходил за стеклянные двери с надписью «Онкология». В коридоре ему встречались худые измученные женщины в халатах и платках. Он буквально пробежал мимо ординаторской, откуда мог выйти Катькин врач с плохой новостью, о которой Катьке говорить нельзя.

Смешно – как можно умудриться скрыть от больного диагноз, направляя его в онкологическое отделение?

Катька свешивала ноги с кровати и брала Витьку за руку. Она хотела увести его с собой в свою сказку, которую она сочиняла каждую секунду, уходя в нее с головой.

– Я себя хорошо чувствую! Правда, хорошо! Разве ты не видишь? – она совершенно спокойно улыбалась. И Витьке тоже становилось немного легче. В конце концов, люди, ждущие результатов гистологии, обычно так не улыбаются, значит можно попытаться убедить себя, что ничего не было.

– Врачи что говорят?

– Еще пока ничего не известно. К среде обещали. Смотри лучше, что покажу, – Катька доставала из тумбочки альбом и показывала рисунки.

– Это дорожка к дому лесника, в кустах живут ушастики. Они вот какие, смотри...

И Витька смотрел, смотрел. То на ушастиков, то на Катьку, словно пытаясь запомнить ее. Что за чушь? Еще ведь ни-

чего не известно! Еще, вполне возможно, Катьке не придется носить платок, пряча облысевшую от химии голову, не придется глотать лекарства, кричать от боли и медленно, неотвратно умирать.

А если будет то, чего он так боится, то лучше, как она – спасаться от страшной реальности в сказочном лесу, где живут единороги и ушастики. Катькин выбор вполне понятен, и даже верен.

Так было каждый день. Только сказки становилось все больше, а больницы все меньше.

А потом Витька уходил, стараясь унести с собой метелки камышей и голос Синего Ветерка. Но шум троллейбусов и других мыслей заглушал его, а метелки осыпались на асфальт и таяли.

И Витька оставался совсем один на проспекте, глядя вслед габаритам и стоп-сигналам. Один до страха, до ощущения бесконечности космоса, до кома в горле. Он выкуривал одну сигарету за другой и собирал все силы, чтобы сберечь последнюю искорку внутри себя – надежду на то, что все еще будет хорошо...

5.12.2002

Врушка

Сегодня светит ослепительное весеннее солнце. Я шлепаю по лужам растоптанными бордовыми ботинками, забрызгивая новые юркины брюки, и рассказываю ему новую потрясающую историю.

Меня уже никто не воспринимает всерьез, даже когда я говорю правду. Например, что у меня вчера был день рождения, и мне исполнилось 10 лет. Только Юрка верит всему; и если мне на ум приходит что-то интересное, я бегу его искать.

– Не связывайся с ней! Она – врушка!

Ну и пусть. Мне все равно. Хотя я не вру, а просто придумываю что-нибудь интересное. Просто иногда так получается. Случайно! Я только хочу ответить честно, а в голове – щелк! – что-то включается, и я уже не в силах остановиться. Рассказываю то, что обязательно разозлит.

Спрашивает у меня Светка:

– Ты не видела Альберта?

Я его не видела с самого завтрака.

– Да, видела. Он просил передать, что жить без тебя не может, очень любит, но не судьба...

Светка холодеет.

– Неожиданно нашлась его мама и забрала его.

– Где? – кричит Светка.

– По секрету: она на самом деле из Италии, жутко богатая, а он потерялся, когда она в Москву приезжала, давно уже.

Правда ведь это гораздо интереснее, чем просто «не видела»? А они теперь орут, шумят и со мной не разговаривают. Даже побили бы наверное, но я себя в обиду не даю.

– Юрка, не слушай ты ее!

Юрка удивленно оборачивается. Я тоже. Ну конечно, Альберт!

– Уйди! – кричу я ему и топаю ногой. Шапочка сползает на глаза, я ее поправляю и снова кричу: «Уйди!», а потом ухожу сама. Юрка кидается следом.

– А дальше что?

– А потом самый младший бельчонок научился говорить. Мало, правда. Говорил только «Дай», «Бей», «Ку-ку» и «Кушать».

– Правда?

– Правда.

– А потом?

– А потом я заблудилась в лесу и привезли сюда.

И неважно, что в прошлый раз я единственная спаслась во время кораблекрушения, а в позапрошлый – сбежала из Тюмени. Кто же виноват, что я не могу на самом деле прожить сорок жизней!

– Новенькая! Новенькая! – прокричало несколько голосов. И сразу же нас позвали в корпус.

Новенькую я отыскала на следующий день. Она ведь еще

не знает меня, и с ней можно поговорить.

Я спрятала в карман шапку, потому что было тепло. Юрка сидел на скамеечке у крыльца. Я скормила ему пол-яблока Мудрости, найденного за забором и выковырянного оттуда палкой. Вторую половину съела сама. И тут увидела новенькую. Она бродила по тропинке совсем одна.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу! – подлетела я. Она робко согласилась. Я отвела ее за корпус, куда, по правде говоря, ходить нельзя. Там росло потрясающее, мистическое, мое любимое дерево. Два прижавшихся друг к другу ствола, оплетающих друг друга ветвями, напоминающих фигуры обнявшихся людей.

– Я тут давно, – начала я свой рассказ. – Мне еще один дедушка эту историю рассказывал; он уже умер. Смотри. – Мы остановились у дерева.

– Какое странное, – тихо сказала она.

– Это не дерево, это заколдованные люди. Видишь? ОНИ жили на земле сто лет назад. Девушка и юноша. Они были добрыми и любили друг друга. Но однажды все вдруг стали ненавидеть друг друга, ругаться и убивать. Тогда они обнялись и превратились в дерево, чтобы их не убили, и чтобы не видеть всего этого. А расколдуются они тогда, когда на земле не останется ни одного злого человека.

– Значит, нескоро, – сказала девочка.

– Пойдем? – позвала я.

– Я еще тут посижу.

Я вышла на площадку. Если ее найдут, то ей попадет. И мне потом, потому что я опять наврала. И она не станет меня больше слушать. Жалко.

Я села на мокрую ступеньку пожарной лестницы. Мне было тяжело, отчаянно горько, что эту историю я всего-навсего выдумала.

1996

Любовь и Люба

В семь часов вечера, сделав домашнюю работу и дождавшись родителей, Любаша своей размашисто-неуклюжей двенадцатилетней походкой шагала в гости к подружке.

Сумерки и морозящий дождь – что может быть лучше для романтической влюбленной барышни? Любаша шла и улыбалась. Всему миру, дождливой улице, отражению фонарей в мокром асфальте, а особенно – предстоящей встрече с НИМ.

Любе несказанно повезло: любимый был старшим братом ее лучшей подружки Маши. Андрей Любашу восхищал до замирания сердца. Взрослый – 16 лет, это раз. Умный – слышала бы вы, на какие темы он вел разговоры с друзьями! Ну и конечно, самый красивый на свете: темные волосы, карие глаза, густые брови... Кроме того, он играл на гитаре и пел. И, что немаловажно в Любином случае, не избегал общения с младшей сестрой и ее подружкой.

Сама же Любаша, еще не доросшая до возраста гадкого утенка, была обычной девочкой, разве что немного мечтательной и немного несовременной.

По неизвестной причине все модные течения обходили Любашу стороной. Впрочем, как и Марусю. Более продвинутые одноклассницы звали подруг «ископаемые», ухмылялись свысока, но особо не обижали. А Любе с Машей вполне

хватало общества друг друга. И еще Андрея и Саши, Машиных братьев. Такой вот уютный и добрый замкнутый мирок.

Так все и продолжалось до поры до времени, пока Любаша вдруг не начала ощущать какое-то беспокойство, которое усиливалось в присутствии Андрея. В конце концов Люба призналась Маше в любви к ее брату. Та возликовала, принялась строить планы вплоть до внуков, и подбивать Любу на всевозможные интриги в меру своей испорченности.

Всю прошлую неделю, например, Люба звонила ему и молчала, но в пятницу прибежала Маша и дала отбой: Андрей притащил откуда-то определитель номера. А вчера девчонки сочинили целое письмо. Распечатали на принтере, украсили сердечками, и на перемене Маруська подложила его Андрею в рюкзак.

Вечером Андрей озадаченно бродил по квартире, листал записную книжку, потом заперся с телефоном на кухне, чтобы обсудить ситуацию с другом Валеркой. Обо всем этом Маруська сегодня днем рассказала в школе. Хорошо иметь своего шпиона!

И вот теперь Любаша спешила к Маше, чтобы разработать новый план. Андрей был на тренировке по карате, и планировать можно было спокойно.

– Я думаю, надо ему намекнуть, что это ты, – поделилась Маша за чаем.

– Ты что! Даже не думай! – Люба даже руками замахала. – Я боюсь!

– А ты как хочешь?

– Не знаю, – вздохнула Любаша. – Может, шарик к двери привязать?

– Любаш, но это же все то же самое! Надо как-то менять тактику...

– Нет, – Люба отставила чашку и уперлась руками в колени. – Давай, Марусь, ничего не делать. А то вдруг он догадается?

– Ну, как хочешь. Кстати, хочешь сгущенки?

– Ага, давай! Ой, Марусь, как же мне хочется... Ух! – Любаша изобразила крепкие объятия.

– Тогда я тебя совсем не понимаю.

– Да я и сама ничего не понимаю. Наверное, не доросла еще, чтобы понимать...

– Маш, я вот думаю... А может, мне надо волосы покрасить? Как у девчонок! Во что-нибудь яркое. Ленка Воронина все время говорит, что мне рыжий пойдет. И сережки кольцами. А?

– Ну не зна-а-аю... А тебе мама разрешит?

Люба пожала плечами и вздохнула. Потом отхлебнула чая и сказала:

– Попробую, попрошу.

– А ведь я тогда одна останусь не крашенная, – Маруська повертела в руках чашку.

Любаша серьезно посмотрела на подругу:

– Тогда я не буду краситься. Это же плохо, когда человек один!

Маруся смущенно улыбнулась, а потом засмеялась:

– Тогда мы опять ничего не придумали!

– Ну и ладно! Моя бабушка говорит: «Утро вечера мудренее». Может быть, завтра что-нибудь придумаем?

– Что вы собрались придумывать? – настороженно спросила Марусякина мама, входя в кухню.

– Да так, ничего, – зачастила Маруся. – Мам, мы уже все, пойдем в комнату.

– Да не спешите, я же вас не выгоняю. Пейте свой чай. Я только ужин поставлю разогревать, а то Андрей скоро придет.

«Андрей скоро придет» – сладко отозвалось в Любе...

– Да нет, мы правда все. Видишь? Одни чайники остались!

– Ну тогда, Мария, надо бы чашки со стола убрать и помыть.

– Ага, сейчас уберу! Любаш, ты сиди, я сама!

– Ну вот еще!

В комнате Маша включила магнитофон и прошептала:

– Смотри, что Дюшка вчера делал!

Ни для одного человека на Земле эта запись не имела такой ценности, как для Любашки, и Маруся это прекрасно знала. С кассеты под гитару пел Андрей. Тихо, даже всех слов не разобрать – наверное, чтобы родители не слышали.

– Андрей знает, что ты это взяла?

– Ты что, нет, конечно!

– Нехорошо как-то, – засомневалась Любаша, но уже через секунду ее сумасшедшая любовь взяла верх. – А перепиши мне, пожалуйста.

Маша хихикнула, щелкнула кнопкой и протянула Любаше кассету:

– Я так и знала, что тебе понравится. Держи.

– Ты, что ли, уже?

– Ага, – довольно улыбнулась Маруська.

Любаша взяла кассету в руки и прижала к горячей щеке.

В комнату постучала Машина мама:

– Люба, твоя мама звонила, домой тебя зовет.

– Ага, спасибо. Ну вот, как всегда, на самом интересном месте, – Любаша, конечно, не призналась, но Маруся и так поняла, что она мечтала дожждаться Андрея.

Любаша начала одеваться, и они с Марусей, как могли, тянули время: болтали и будто забывали, что пора уходить. Потом из комнаты выскочил Санёк, показал свою нарисованную войну.

Своей цели они достигли. Не успела Любаша взяться за дверную ручку, как щелкнул замок и на пороге показался Андрей.

– О, привет, девчонки, привем, мам, привет, Сань!

Любаша сглотнула подпрыгнувшее и попавшее не туда сердце и ответила:

– Привет! – стараясь улыбаться как можно лучезарнее.

– А ты уже уходишь?

– Ага.

– Мам, давай я Любу провожу, а то там какая-то шпана в подъезде.

– Может, тогда подождать лучше? – забеспокоилась мама.

– Да ну, мам! Нам сегодня такой прием показали!

– Тебе не терпится прием опробовать? – недовольно уточнила мама.

Андрей засмеялся:

– Просто я их не боюсь, они хиляки! Я их всех завалю!

– Ладно, ладно, герой. Иди, провожай. Только чтоб первым не лез! И осторожнее там... – и проворчала вполголоса, уходя в кухню. —Шестнадцать лет, ума нет, один выпендрёж в голове...

– Ага, – не обиделся сын.

Любаша чуть не плакала от счастья. Он! Сам! Напросился ее проводить! И защищать от шпаны! А может и правда, признать ему в любви? Вдруг он тоже любит, но стесняется? Или думает, что она еще маленькая и любить не умеет еще?

– Пойдем?

Люба кивнула и помахала Маше рукой, сияя, как начищенный самовар.

Андрей закрыл дверь ключом, пропустил Любашу в лифт. На первом этаже никого не было.

– Надо же, ушли, – весело сказал Андрей, достал из кармана телефон и позвонил домой. – Мам, ты вполне можешь

быть спокойна. Никакой шпаны уже нет, наверное, меня испугались!

Любаша хихикнула.

Они вышли из подъезда.

– Эх, плохой я кавалер, – вздохнул Андрей. – Зонтик за был.

– Я не боюсь дождя, – успокоила его Люба.

– Я тоже не боюсь, – ответил Андрей, снял джинсовку и дал Любе. – Накройся, и не промокнешь.

– Я, правда, не боюсь промокнуть!

– И я тоже на самом деле не боюсь! Я и посерьезнее вещей не боюсь, что о дожде говорить? – он накинул куртку ей на голову.

– Люба стянула ее на плечи и сказала умоляюще:

– Мне за курткой тебя не видно! – и, поняв, что это звучит почти как признание в любви, оправдалась. – Я не могу разговаривать, когда не вижу!

Андрей посмотрел на нее, улыбнулся и кивнул: «Пойдем!»

Они шли, не торопясь, той же дорогой, только теперь в обратную сторону.

– А ты хочешь стать музыкантом? – спросила Любаша, держась в кармане за подаренную кассету.

– Хочу, но не уверен, чт ополучится.

– Получится, – уверила Люба. – Ты же играл тогда, я слышала. У тебя хорошо получается.

– Спасибо, Любаш, за доверие. А если музыкантом не получится, тогда... – он замолчал. Люба подождала и спросила:

– Кем тогда?

– Тогда, наверное, биологом.

– Ой, это мне тоже нравится! Очень интересно про всяких животных. А про растения – не очень.

– Да нет, в растениях тоже много интересного. И все очень... Очень мудро устроено в мире. Ты замечала?

– Я пока об этом не думала, – призналась Люба. – Но зато я заметила, что в мире очень много похожего. Например, жилки листьев похожи на ветки деревьев, и на сосуды. И на реки. А хвощ похож на ёлку. А еще в снегу бывают маленькие пещерки с сосульками. Они, наверное, похожи на настоящие пещеры со сталактитами.

– Да, правда, – с интересом хмыкнул Андрей, и оживился еще больше. – Давай назовем это «принципом подобия».

Любаша с улыбкой посмотрела на Андрея («Какой же он красивый! И умный!») и кивнула.

– А еще... Я ни с кем об этом не говорил, но ты, по-моему, поймешь. Мне кажется, что мир возник совсем не так, как нас учат. Как что-то может возникнуть из ничего?

– Как «из ничего»? А как вас учат? Мы еще этого не проходили.

– Там штука такая. В океане при невыясненных обстоятельствах возник комок слизи, и он превратился в первую клетку. Но это чушь, я считаю. Из ничего не может появиться-

ся что-то, тем более, такое логичное и грандиозное как природа.

– Правда, странно, – согласилась Любаша. – Наверное, просто ученые еще чего-то не знают. А ты хочешь стать биологом, чтобы узнать, откуда всё взялось на самом деле?

Андрей с интересом посмотрел на Любу, поежился и признался:

– И это тоже, – и бастро добавил. – Но я думаю, что нас сюда кто-то заселил. Насажал деревьев, пустил животных и нас тоже. И наблюдают за нами.

– А кто?

– Да не знаю... Инопланетяне какие-нибудь, – Андрей застеснялся высказанной вслух версии. Но Люба и не собиралась смеяться, она очень серьезно относилась ко всему, что говорил Андрей.

Она задумалась. И думала до самого дома не об Андрее, а о его словах.

– Вот, сдаю с рук на руки, – бодро сказал Андрей Любиной маме.

– Спасибо, Андрюшенька, спасибо!

Везёт же маме! Она может спокойно называть Андрея Андрюшенькой и даже не покраснеть!

– Пока! – сказала Любаша.

– Пока! – улыбнулся Андрей, помахал рукой и скрылся на лестнице. Любаша вздохнула и закрыла дверь.

Потом Андрей еще несколько раз провожал Любашу до дома. Они говорили о разном – о кодексе самураев и чести, о деньгах, которые портят и не портят людей, о будущем выпускном Андрея. Один раз, уже зимой, просто играли в снежки и смеялись.

Эти вечера были самыми счастливыми в размеренной Любашинной жизни. И этими разговорами Любаша не делилась даже с Марусей, чтобы не обесценить их. Впрочем, Маруся была девочкой умненькой, и не лезла с вопросами.

А потом наступила весна, и Люба почти перестала видеть Андрея. Он то готовился к экзаменам, то гулял допоздна. И Любаше приходилось довольствоваться рассказами преданной Маруси.

Накануне Пасхи Любаше позвонила бабушка.

– Любонька, поедem со мной, куличи освятим, поможешь мне.

– Да, бабушка, хорошо! – Любаша очень любила бабушку, и с радостью соглашалась на любые ее предложения.

– Только ты, Любушка, не забудь надеть юбку и платочек.

– Ой, бабушка! Я платочек-то и забыла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.